АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ

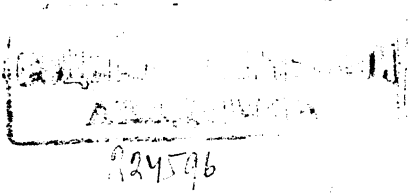
и 9-ое января.

(ПИСЬМО КЪ ЖАНУ ЖОРЕСУ).

Изданіе автора въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ въ петербургскомъ январьскомъ возстаніи.

Цѣна 25 сантимовъ.

ЖЕНЕВА.
1905.



Французское изданіе этого письма, вышедшее въ свѣтъ мѣсяцъ тому назадъ, въ Римѣ, быстро разошлось. Изъ Россіи меня извѣщаютъ, что на письмо имѣется значительный читательскій спросъ, и оно распространяется въ спискахъ и переводахъ. Послѣднее обстоятельство побуждаетъ меня огласить первоначальный русскій текстъ письма. Считаю это нужнымъ потому, что, при недостаткахъ моего французскаго перевода, обратные переводы на русскій языкъ могутъ увлечь и мысли, и обороты письма слишкомъ далеко отъ авторскихъ намѣреній.

А. А.

Парижъ.
3 апрѣля 1905.

Франко-русскій союзъ.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА КЪ ЖАНУ ЖОРЕСУ.

(русскій текстъ).

Милостивый Государь

Кровавая бойня въ Петербургѣ наполнила ужасомъ весь цивилизованный міръ. Голоса всѣхъ націй и расъ слились въ дружномъ воплѣ отвращенія къ палачамъ и состраданія къ жертвамъ русскаго самодержавія.

Какъ русскій писатель и публицистъ, я съ благодарнымъ восторгомъ привѣтствую пробужденіе европейскаго общественнаго мнѣнія въ защиту угнетеннаго русскаго народа. Съ тѣмъ большимъ восторгомъ, что общественное мнѣніе Европы— одно изъ немно́гихъ средствъ обороны, которыя имѣются въ арсеналѣ русскаго освободительнаго движенія. Съ тѣмъ большимъ восторгомъ, что именно этого могущественнаго оружія слишкомъ не доставало русскимъ борцамъ за свободу въ послѣднія два царствованія — императоровъ Александра III и Николая II, когда между страданіями русскаго народа и ев-

ропейскимъ общественнымъ мнѣніемъ всталъ густою стѣною туманъ франкорусскаго союза.

Не входя въ оцѣнку политическихъ заслугъ франко-русскаго союза для обще-европейскаго мира, мы, русскіе, не можемъ не сознаться, съ глубокимъ прискорбіемъ, что для внутренней политики нашей страны онъ явился оружіемъ реакціи и порабощенія. Правительственныя торжества Кронштадта и Тулона стали эрами тяжелыхъ пораженій для русскаго освободительнаго движенія. Русское самодержавное правительство пріобрѣло въ республиканской Франціи неожиданнаго и противоестественнаго союзника, русское общество давняго и лучшаго своего союзника потеряло.

Наше освободительное движеніе, развитое французскими идеями, такъ тѣсно связано съ духомъ Франціи, что, напримѣръ, простая и темная среда нашего мѣщанства до сихъ поръ зоветъ русскихъ либераловъ „вольтеріанцами“. Въ теченіе цѣлаго вѣка, русская свобода находила во Франціи свою школу, нравственную опору и, въ эпохи особенно свирѣпыхъ реакцій, послѣднее прибѣжище, къ которому она могла вопіять о своихъ растоптанныхъ правахъ. Этотъ могущественный апелляціонный судъ международной морали не переставалъ работать даже въ реакціонные періоды самой Франціи, даже при Второй Имперіи. Нравственное давленіе Франціи въ пользу русской свободы сыграло свою роль даже въ актѣ столь, казалось бы, національномъ, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19 февраля 1861 года.

Мы, русскіе, утратили этотъ драгоцѣнный для насъ апелляціонный судъ въ тотъ день, когда Александръ III, стоя, слушалъ „Марсельезу“, а представители французскаго народа, стоя, слушали „Боже, царя храни“. Нація, свергнувшая тирановъ декларацією правъ человѣчества, молилась о спасеніи русской тиранніи, попирающей всѣ права человѣчества. Франція сдѣлалась другомъ русскаго правительства и закрыла глаза на русскій народъ. Русская самодержавная династія, ея бюрократія, ея рабская оффиціозная печать заслонили отъ Франціи живую Россію. Франція превратилась въ „со-

юзное правительство" русскихъ царей. У русской же свободы „союзнаго правительства" не стало. Этотъ огромный результатъ, конечно, стоилъ того, чтобы Александръ III, ломая свою самодержавную гордость, снималъ фуражку при звукахъ марсельскаго гимна. Если Парижъ стоитъ одной мессы, то вся Франція, несомнѣнно, стоитъ нѣсколькихъ „Марсельезъ!"

Займы, заключенные русскимъ правительствомъ при посредствѣ французскаго капитала, закрѣпили противоестественную связь самодержавія съ республикою, — они приковали къ подножію русскаго трона французскую буржуазію. Никто не заботится о благосостояніи крупныхъ должниковъ усерднѣе, чѣмъ ихъ кредиторы. Всякая борьба, способная обанкрутить русскій самодержавный режимъ, сдѣлалась, такимъ образомъ, явно убыточною для французской буржуазіи, которой русское правительство задолжало. „Боже, царя храни" переводится для французскаго буржуа словами: „Боже, храни моего должника, покуда онъ мнѣ не заплатитъ". И дѣйствія, и слова противъ русскаго правительства принимались буржуазнымъ режимомъ, и еще принимаются, какъ ущербъ интересамъ Франціи. Не далѣе, какъ недѣлю назадъ, прекрасный протестъ лучшихъ представителей французской свободы,—съ вами, г. Жоресъ,—во главѣ, противъ петербургскихъ убійствъ столкнулся съ циническимъ напоминаніемъ г. Делькассе, что ораторы говорятъ противъ союзной державы. Это напоминаетъ мнѣ случай изъ моего путешествія по Кавказу. Богатый образованный татаринъ звалъ меня обѣдать:

— Кстати, я познакомлю васъ съ моимъ лучшимъ другомъ. Милѣйшій человѣкъ, вы будете очарованы. Только предупреждаю васъ: не говорите при немъ о нашихъ здѣшнихъ разбояхъ.

— Почему? Онъ отъ нихъ пострадалъ?

— Нѣтъ, не то, а онъ самъ разбойникъ.

Такимъ образомъ, чрезъ компромиссъ республиканской морали съ самодержавною наглостью, франко-русскій союзъ превратился въ заговоръ противъ русской свободы. Союзъ

двухъ правительствъ сталъ каторжною цѣпью для народа. Ужасы самодержавной реакціи никогда не росли съ болѣе отвратительною быстротою и постоянствомъ, чѣмъ подъ сѣнью франко-русскаго союза. Къ этому періоду относятся страшныя министерства Сіяпгина и Плеве, синодскія неистовства Побѣдоносцева, бѣгство изъ Россіи духоборовъ, омерзительныя бойни евреевъ по правительственному подстрекательству, борьба на смерть со всѣми либеральными реформами Александра II (земство, новый судъ, университеты), баснословное развитіе субсидированной реакціонной печати, систематическія нарушенія конституціи Финляндіи, преслѣдованіе закавказскихъ армянъ, закрытіе ряда вліятельныхъ ученыхъ и литературныхъ союзовъ, ссылки передовыхъ людей и, въ особенности, студентовъ цѣлыми тысячами, неописуемыя цензурныя безобразія и кары, и полицейскій произволъ, съ ежедневными грубѣйшими насиліями, которымъ нѣтъ имени на языкѣ порядочныхъ людей,—произволъ, достойно увѣнчанный подлою рѣзнею безоружныхъ рабочихъ 9-10 (23) января и проскрипціями Трепова, возведеннаго за злобность и рѣзвость въ санъ петербургскаго генералъ-палача*). Самодержавное правительство, имѣя за собою союзъ республиканской Франціи, перестало стѣсняться общественнымъ мнѣніемъ Европы. Сбылось вѣщее слово Александра III:

— Кто посмѣетъ говорить, что я врагъ свободы, когда за меня — республиканская печать?

И, дѣйствительно, едва ли не единственный серьезный щелчокъ, полученный послѣ союза съ Франціей русскимъ самодержавнымъ правительствомъ отъ европейскаго общественнаго мнѣнія, это — нравственная пощечина, данная Ни-

*) Съ тѣхъ поръ, какъ впервые увидѣло свѣтъ это письмо, къ зловѣщему перечню ужасовъ самодержавной травли успѣли прибавиться страшные „Варѳоломеевскіе дни“ въ Баку, полицейскія избіенія малолѣтнихъ гимназистовъ въ Курскѣ, Тамбовѣ, и др., агитація охранителей — подстрекателей бить свободомыслящую интеллигенцію, подлоги и клеветы пресловутаго агентства и пр., и пр.

колаю II італіанскими соціалистами, не допустившими царя посѣтить Монцу и Римъ, послѣ устроеннаго покойнымъ Плеве кишиневскаго погрома.

Я не берусь судить о „благодѣяніяхъ“ французскаго союза для общеевропейской политики. Еще менѣе смѣю судить о „благодѣяніяхъ“, которыми отозвался этотъ союзъ внутри Франціи. Я говорю только о вліяніи французскаго союза на внутренній ходъ русской гражданственности и культуры. Это же вліяніе было ужасно. Оно развязало руки тираннiи и дало тиранамъ безопасность связать свободу.

Мнѣ часто случалось встрѣчать въ французской печати жалобы на холодное отношеніе русскаго общества къ союзу такой большой политической важности, переправившему въ Россію такъ много денегъ. Дѣйствительно, среди русскихъ образованныхъ людей, которымъ дороги свобода и прогрессъ Россіи, поклонниковъ французскаго союза такъ же мало, какъ много поклонниковъ французскаго народнаго генія. Политическая важность союза не утѣшаетъ русское общество, потому что каждый внѣшній успѣхъ самодержавнаго правительства мы, русскіе, оплачиваемъ тяжелымъ внутреннимъ порабощеніемъ. Финансовыя одолженія Франціи русской казнѣ совершенно безразличны русскому народу, ибо деньги никогда не доходили по его адресу. Русскій народъ, обѣднѣвшій въ послѣднія два царствованія до предѣла нищеты, не имѣлъ въ своихъ рукахъ ни сантима французскихъ денегъ. Займы, безконечно заключаемые русскимъ правительствомъ, исчезали въ милитаристическихъ предпріятіяхъ. По крайней мѣрѣ, такъ думали до японской войны. Трагическая неподготовленность русскихъ государственныхъ силъ, обнаруженная этою печальною войною, показала, однако, что даже и эти милитаристическія траты, уже сами по себѣ противныя духу мирнаго русскаго народа, были для правительства ширмами обмановъ, подлоговъ, лжей. На суммы нашихъ займовъ мы пріобрѣли желѣзную дорогу, которая не возитъ, пушки, которыя не стрѣляютъ, и флотъ, который не умѣетъ плавать. Займы, сдѣланные, чтобы вооружить государство, расплылись по карманамъ двора и самодержавной бюрократіи. Народу

эти займы создали только обязанность и необходимость рано или поздно по нимъ платить. Засыпанные деньгами, развратные дворы великихъ князей; самодержавная бюрократія, удивляющая міръ казнокрадствомъ; войско и флотъ, обворованные и поставленные, подъ начальствомъ бездарныхъ генераловъ и невѣжественныхъ офицеровъ, чуть не съ голыми кулаками драться противъ великолѣпныхъ военныхъ силъ Японіи; интеллигенція въ тюрьмѣ и ссылкѣ; молодежь или преслѣдуемая, какъ дичь какая нибудь, или развращаемая гнуснѣйшею провокаціей; народъ, выпотрошенный налогами, безграмотный, нищій, споенный правительственною водочною монополіей; рабочій классъ, который, безоружный, тысячами избиваютъ Владимиры и Треповы, когда онъ смѣетъ жаловаться, что голоденъ. Вотъ картина современной Россіи подъ сѣнью франко-русскаго союза! Что же здѣсь любить? Кого и за что благодарить?

Франція! Франція! Только русскій изстрадавшійся „интеллигентъ“ въ состояніи прочувствовать во всю глубину тотъ святой, завѣтный идеалъ, тотъ могучій культурный символъ, какимъ полно для насъ твое великое имя! Мы съ дѣтства учились смотрѣть на созданный тобою Западъ глазами, полными восторженнаго ожиданія, мы лепетали твою Марсельезу, какъ заповѣдь, мы грезили на яву дивнымъ романтическимъ видѣніемъ въ фригійскомъ колпакѣ, которое, какъ ласковая мать, склоняется къ угнетеннымъ народамъ и утѣшаетъ ихъ могучею, свѣтлою надеждою:

Mon nom sous le soleil est France,
Je reviendrai dans la clarté,
J'apporterai la delivrance,
J'amenerai la liberté!

Эта Франція — завѣтная любовь каждаго русскаго, не чуждаго западной культуры. Но именно этой Франціи не было въ франко-русскомъ союзѣ, а на ту Францію, которая была въ немъ,—Францію царскихъ смотровъ и президентскихъ визитовъ, — мы смотрѣли съ холоднымъ разочарованіемъ и недоумѣніемъ: ставъ любовницею самодержавія, она обманула

наши дѣтскіе сны, и часто мы не вѣрили, что она — она!

Спасибо Жоресу! Спасибо его товарищамъ! Мощные вопли, исторгнутые изъ глубины ихъ великодушныхъ сердецъ ужасами самодержавной бойни, прямота, съ которою они бросили въ глаза убійцамъ настоящія имена ихъ злодѣяній, а правительству Франціи — обличеніе въ льстивой дружбѣ съ палачами,—эти львиныя рыканія дѣтей народа отозвались въ сердцахъ всѣхъ борцовъ за русскую свободу свѣтлою радостью! Нѣтъ, не сонъ она, эта гордая Франція, которою учили насъ грезить наши отцы, и отцовъ дѣды! Не сонъ святая богиня человѣческихъ правъ, упованіе всѣхъ народовъ, чающихъ свободы, равенства и братства! Заколдованная злыми чарами, спящая красавица дремлетъ въ своемъ замкѣ, но, сквозь тяжелый волшебный сонъ, она слышитъ наши стоны, она видитъ наши раны, она бредитъ невинною кровью, обагряющею наши снѣга, и содрагается отъ ужаса и негодованія, и тяжко мечется на своемъ роскошномъ ложѣ... Проснись же, прекрасная! святая, проснись!

Проснись во всей цѣломудренной красотѣ своего царственнаго величія и гнѣва! Не позволяй убійцамъ пятнать твои чистыя одежды окровавленными лапами! Не позволяй имъ хвалиться, что ты ихъ сообщница и благословила ихъ на безстыжую травлю! Скажи имъ, скажи этимъ „сильно державнымъ“ витязямъ, не смѣющимъ показать своего носа японской арміи, но геройски побѣждающимъ безоружныхъ рабочихъ, студентовъ, а, въ особенности, женщинъ и дѣтей,— скажи имъ властное слово презрѣнія, которое трепещетъ на твоихъ устахъ и котораго жадно ждетъ привычный слѣдовать за тобою міръ.

О, Боже! Пьяные казаки топчутъ конскими копытами женщинъ и дѣтей!

Въ довѣрчивыя груди мирныхъ рабочихъ, наивно пришедшихъ искать защиты у царя и закона, летятъ смертоносныя залпы!

Залпы бьютъ въ спину бѣгущихъ! Добиваютъ лежачихъ!

Vae victis! Ихъ вяжутъ, колотятъ, истязаютъ. Тюрьмы переполнены. Посторонитесь, сибирскіе поѣзда, везущіе угрюмыя войска на японскій убой! дайте дорогу поѣздамъ, везущимъ на медленную смерть въ якутской ночи честныхъ людей, имѣвшихъ смѣлость любить свою родину!

Печать задушена. Наука растоптана. Молодежь объявлена почти внѣ закона. Великій русскій писатель, пѣвецъ пролетаріата, въ плѣну, и палачъ Треповъ грозитъ ему смертною казьню*). Его участь раздѣляютъ старики-профессора, посѣдѣвшіе въ тихой мучительной борьбѣ за благо народа.

Мракъ, смерть и тюрьма — вотъ она современная Россія, Россія царя Николая II! И Франція — союзница тюрьмы, смерти и мрака? И Франція приметъ на свою совѣсть отвѣтственность за палачей и насильниковъ народа? Страна Вольтера, Мирабо, Виктора Гюго, Прудона, Зола, будетъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ полицейскія руки поставятъ висѣлицу для Максима Горькаго?

Нѣтъ! не вѣрю! Не вѣримъ! Никто въ Россіи не вѣритъ. Потому что, о, Франція, ты — Франція!

*) Эти строки писаны, когда всѣ газеты Европы вѣрили такой отвратительной возможности, потому что опьяненные кровавымъ „успѣхомъ“ своихъ репрессій, петербургскіе Держиморды громко хвалились привести угрозу въ исполненіе. Прошла добрая недѣля прежде, чѣмъ эти господа спохватились, что зашли въ политическомъ цинизмѣ слишкомъ далеко, и принялись отрицать свои первоначальныя злоумышленія. Максима Горькаго спасло, — насколько еще можно считать его спасеннымъ! — единодушное негодованіе Европы, выразившее дружными и шумными манифестаціями, что жизнь Горькаго принадлежитъ всему цивилизованному міру и громко и грозно крикнувшее: руки прочь! — русскимъ полицейскимъ палачамъ.

Потому что —

Ton nom sous le soleil est France,
Tu reviendras dans la clartè,
Tu rapporteras la delivrance,
Tu ameneras la liberté!

Ал. Амфитеатровъ.

Римъ.
31 (18) января 1905.

АЛЕКСАНДРА АМФИТЕАТРОВА

сочиненія, изданныя въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ въ петербургскомъ январьскомъ возстаніи „Современныя Сказки“

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Первый выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Сказка объ Иванѣ-мужикѣ и Петрѣ, запорожскомъ казакѣ.**

Второй выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Сказка о Богинѣ. — Сказка о слонахъ.**

Третій выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Грѣхопаденіе Минервы.**

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Четвертый выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Смерть Ироніи.**

Пятый выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Пѣсня о топорѣ. — Герой нашего времени. — Гимны. — Эпиграммы.**

Цѣна каждому выпуску за границею 50 сантимовъ, съ доставкою въ Россію 50 копеекъ.

Печатается брошюра Александра Амфитеатрова:

Вредная раса.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ политическая сатира Александра Амфитеатрова романъ „ГОСПОДА ОБМАНОВЫ“.

Обращающіяся нынѣ въ заграничныхъ книжныхъ магазинахъ главы этого романа *(за исключеніемъ первой)* подложны. Стоимость романа, за границею, *по предварительной подпискѣ у автора* (France, Paris, Auteuil, Villa Montmorency, Avenue Bonfiers, 2), *6 франковъ*. Романъ выйдетъ въ іюлѣ. По выходѣ цѣна будетъ увеличена.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Genève (Suisse), 93 Rue de Carouge 93, Pension russe.

Русская столовая.